

а также в интересах общества, государства, мирового сообщества. Построение кросскультурного диалога – это реальная возможность преодолеть глубочайшие противоречия духовного кризиса, избежать экологических катастроф, минимизировать риски глобализации.

Примечания

- ¹ Колесников А. С. Кросскультурное взаимодействие в современном мире и диалог культур // Paradigma. 2004. № 2. С. 67.
- ² Лапшин А. Г. Международное сотрудничество в области гуманитарного образования: перспектива кросскультурной грамотности // Кросскультурный диалог: компаративные исследования в педагогике и психологии : сб. ст. Владимир, 1999. С. 47.
- ³ Гордиенко А. А. Антропологические и культурологические предпосылки коэволюции человека и

природы: философско-антропологическая модель коэволюционного развития. Новосибирск, 1998. С. 76–78.

- ⁴ Василенко И. А. Диалог цивилизаций. М., 1999. С. 18.
- ⁵ Элиаде М. Мефистофель и андрогин / пер. с фр. СПб., 1998. С. 16.
- ⁶ Чжан Сянко. Модернизационные процессы в современном Китае. Пекин, 1999. С. 47.
- ⁷ Степанянц М. Т. Восточные сценарии глобального мира // Вопр. философии. 2009. № 7. С. 39.
- ⁸ Там же. С. 43.
- ⁹ Ломанов А. В. Место метафизики в философии периода Китайской республики // 4-я Международная научная конференция «Китай и мир» : тез. докл. М., 1993. С. 15.
- ¹⁰ Cheng, Chung-ying. New Dimensions of Confucian and Neo-Confucian Philosophy. Albany, 1991. P. 74.
- ¹¹ См.: Колесников А. С. Указ. соч. С. 68.

УДК 111.1

КОНЦЕПЦИИ ДЛИТЕЛЬНОСТИ КАК ОСНОВА НЕОАНИМИСТИЧЕСКИХ ОНТОЛОГИЙ

К. Н. Фомина

Саратовский государственный технический университет
E-mail: fonikris@mail.ru

Статья посвящена проблеме различия «одушевленного» и «неодушевленного». Проблема рассматривается в рамках онтологической концепции потока времени – идеи длительности А. Бергсона и концепции «синтеза времени» Ж. Делёза. Делается вывод о наличии множества уровней, интенсивности в степени одушевленности, а также зачатков души как форм синтеза времени.

Ключевые слова: одушевленность, длительность, поток, синтез времени, пассивный синтез, трансцендентальный субъект, материя, сознание, память-сжатие.

Conceptions of Duration as Basis of the Neanimistical Ontologies

Ch. N. Fomina

The article devoted to problem of distinction of «animated» and «inanimate» categories. The problem is examined in a context of ontological conception of the stream of time (the Bergson's idea of the duration and Deleuze's conception of «synthesis of time»). It comes to the conclusion about presence of great number of levels, intensities in the degree of animated, and also about the great number of rudiments of the soul as a forms of the synthesis of time.

Key words: animated category, duration, stream, synthesis of time, passive synthesis, transcendental subject, matter, consciousness, memory-compression.

Архаическое сознание не проводило жесткого водораздела между одушевленным и неодушевленным. Европейская культура, напротив, имеет склонность чрезмерно подчеркивать различия между «живой» и «неживой» природой, между «психическим» и «соматическим», в равной мере как между человеческими существами и всеми другими формами жизни. Так не намечается ли в этой эволюции (или инволюции) парадигм от анимизма к механицизму некий новый виток? Однако теперь это станет поворотом от механицизма к тому, что можно было бы назвать неанимистическими онтологиями. Тенденция к объединению наук о неодушевленной и живой, одушевленной, чувствующей материи отмечается в качестве как общенаучной, так и общекультурной и общемировоззренческой такими авторами, как Ф. Капра, Д. Лавок, Л. Маргулис, А. Наэсс, Д. Томпсон, Г. Хант, Т. Швенк. Она нашла отражение также и в литературном творчестве Б. Вербера. В данной статье мы планируем рассмотреть только один аспект этой многогранной темы.

В классической философской традиции понятие души было связано с понятиями формы (энтелехии), эйдоса (образа) и метафорой зеркала (отражения), и она берет начало от Платона и Аристотеля. Классическую европейскую философию

иногда называют «комментариями к Платону», а Аристотель может считаться родоначальником биологии как науки. Именно в этой традиции укоренено характерное для европейской культуры противопоставление души и тела, «психического» и «соматического», одушевленного и неодушевленного: зеркало разделяет миры, и из всех существ только человек является существом, узнающим себя в зеркале.

Но существует и другой подход в понимании психического. Он связан не со статически-пространственным образом зеркала, а с динамическим образом темпорального потока. Первичное качество как одушевленности вообще, так и сознания в частности здесь считается неразрывно связанным со способностью удержания времени, в результате чего формируется особое «спрессованное» время, или время-длительность. Сущность одушевленности и градации ее степени связываются со способностью удерживать и переживать длительность как таковую. Нам предстоит рассмотреть некоторые импликации этой традиции.

Тема неразрывной связи души и времени берет начало в творчестве Аврелия Августина и воспроизводится в философской традиции, исходящей от А. Бергсона и продолженной в концепциях Э. Гуссерля и Ж. Делёза. Однако в этой теме нельзя не заметить своеобразного смещения акцентов. В религиозно-философской концепции Августина предельной инстанцией для понимания времени оказывается душа. Тайна времени связывается с чудесной способностью души удерживать в себе прошлое, растягивать настоящее и ожидать будущее. Способность к хранению времени связана с особой сакральной функцией души – быть посредницей между вневременным миром идей и распадающейся материей.

В десакрализованной традиции (Бергсон – Гуссерль – Делёз) акценты смещаются. Здесь, скорее, время оказывается предельной инстанцией для понимания души и сознания. Таким образом, уже не столько тайна души является ключом для понимания тайны времени, сколько феномен времени становится ключом к пониманию феномена одушевленности. Первичное «качество», составляющее квинтэссенцию одушевленного, здесь связывается с организацией особого потока времени – времени-длительности, «интенсивного времени», «конденсации времени», «синтеза времени».

Особое значение для всей последующей онтологии имела, прежде всего, концепция длительности А. Бергсона, устанавливающая неразрывную связь между сущностью психического и феноменом времени. Считая, что концептуально понятое время является остановкой, фиксацией в сознании процесса, Бергсон задается вопросом относительно того, что же собой представляет собственно процесс, не зафиксированный в понятии. Он полагает, что бытие процесса – это и

есть длительность, а длительность – чистое движение. Само движение и есть сознание, в котором улавливается факт движения. Соответственно, длительность есть поток сознания, который не останавливается временем. С помощью восприятия времени можно остановить длительность, создать своего рода срез потока и зафиксировать процесс в пространственных понятиях. «В той непрерывности становления, которая есть сама реальность, настоящий момент конституируется посредством почти мгновенного среза, который наше восприятие делает в протекающей массе, и этот срез, собственно, и есть то, что мы называем материальным миром»¹.

Такая способность как интеллект неразрывно связана с пространством. Только лишь интуиция и инстинкт способны к адекватному схватыванию времени-длительности. Исходя из того что длительность – это своего рода вечное становление реальности, схватить ее мы способны лишь определенным усилием воли, когда ускользящее от нас прошлое мы как бы вдавливаем в настоящее. Поскольку именно в памяти прошлое продолжает существовать в настоящем, длительность и являет себя в памяти, а по сути она и есть память. Фактически Бергсон говорит о двух видах памяти – памяти-воспоминании и памяти-сжатии. Поясняется это следующим образом: момент будущего всегда содержит, кроме момента прошлого, еще и память, оставленную последним моментом, но эти два момента накладываются друг на друга, так как один еще не исчезает в то время, как другой уже появляется. «Длительное настоящее в каждый момент разделяется на два направления, причем одно из них ориентировано и расширяется в сторону прошлого, другое же сжато, стягиваясь в сторону будущего»².

Тело, не формируя образов, являет собой лишь «образ среди образов», который непрерывно конституирует поперечный срез единого становления. Соответственно, оно есть «место прохождения воспринятых и отраженных движений», некая грань между вещами, которые действуют на меня и на которые действую я. Бергсон иллюстрирует это положение на примере конуса, основание которого, представляющее собой совокупность накопленных воспоминаний, остается неподвижным, тогда как вершина, олицетворяющая настоящее, будет непрерывно двигаться вперед, соприкасаясь с подвижной плоскостью (актуальным образом действительности)³. Вершина конуса – вечно подвижная точка, олицетворяющая тело, – соприкасается с подвижной плоскостью, где происходит отражение и восприятие образов, исходящих от этой плоскости. С другой стороны, воспоминание, расположенное в основании конуса, выступающее как подлинная память о прошлом, «спускается с высот», чтобы реализоваться в подвижной точке. «Именно от настоящего исходит призыв, на который отвечает воспоминание, но именно

от сенсомоторных элементов наличного действия воспоминание заимствует дающее жизнь тепло»⁴.

Таким образом, можно определить настоящее как самую сжатую степень прошлого: прошлое сосуществует с настоящим и самим собой на разных уровнях сжатия. «Именно чистое настоящее и чистое прошлое, чистое восприятие и чистое воспоминание ... чистая материя и чистая память обладают только различием в ослаблении и сжатии и, таким образом, переоткрывают онтологическое единство»⁵. Мы показали, что наше настоящее, посредством которого мы сопричастны материи, есть прошлое в его наиболее сжатом виде, и тогда «между нетронутой, грубой материей и наиболее способным к рефлексии духом существуют все возможные степени интенсивности памяти»⁶.

Основываясь на вышесказанном, мы можем прийти к выводу относительно интересующего нас вопроса, а именно взаимоотношений одушевленного и неодушевленного. Критерием различия одушевленного и неодушевленного (духа и тела) должно выступать время, а не пространство. Другим образом поступают мыслители, располагающие материей и дух на принципиально не сводимых сторонах – материя в пространстве, а дух в сознании. В таком случае установить связь, взаимодействие духа и тела не представляется возможным. Рассматривая же чистое восприятие, в котором субъект и объект совпадают, мы располагаем их в соответствующих им длительностях. Материя выступает как последовательность бесконечных моментов, а дух, который является памятью, в своей длительности есть все большее продолжение прошлого в настоящем.

Таким образом, в рамках традиции «потока» сфера одушевленного не локализуется и не обособляется жесткой границей от неодушевленных компонентов онтологии. Одушевленное и неодушевленное различается лишь формами интенциональности (памяти и восприятия) и являет собой лишь различные (потенциально бесчисленные) степени, уровни и градации интенсивности потока времени. Если сознание – это полюс «максимума» в степени интенсивности времени, то далее идет понижение степеней интенсивности: бессознательная жизнь, растительное существование и, наконец, неодушевленная материя. Материя – это полюс «минимума» в степени интенсивности времени. Здесь поток пребывает в весьма растянутом временном ритме: один момент уже исчез, когда другой еще не появился. Поэтому интенсивное время-длительность рассыпается на отдельные, не связанные мгновения и образует пространственный порядок обособленных друг от друга тел.

Бергсоновская идея неразрывной связи между психическими и темпоральными феноменами

продолжена в концепциях Э. Гуссерля и Ж. Делёза. У Э. Гуссерля формой трансцендентального субъекта является форма времени: «...эта форма остается непрерывной и тождественной, в то время как содержание потока постоянно меняется»⁷. Но единство внутреннего времени – это конституированное единство: «...в потоке сознания благодаря непрерывности ретенциальных изменений и благодаря тому обстоятельству, что они суть ретенции непрерывно предшествующих ретенций, конституируется единство самого потока как квазивременной порядок одного измерения»⁸.

Единство внутреннего времени как то «первичное качество», которое составляет квинтэссенцию психических феноменов, рассматривается далее в работах Ж. Делёза. Причем в триаде Бергсон – Гуссерль – Делёз можно заметить все большее смещение акцента. Единство времени все более и более начинает пониматься не в качестве изначально заданного, а как вторично конституированное (Гуссерль), а затем и как «синтезированный» феномен (Делёз). У Делёза речь ведется о «пассивном синтезе» – синтезе времени.

В работе «Различие и повторение» Делёз пишет о «силе сжатия», формирующей «синтез времени». Эта сила не является памятью или рефлексией. Говоря о повторении мгновений, Делёз вводит понятие первоначального (или пассивного) синтеза, в котором образуется время. Он является пассивным потому, что «... не создан сознанием, но создается в сознании, которое созерцает, предваряя всякую память». Это «внутривременной» синтез, ратифицирующий время как проходящее настоящее. Также Делёз называет его синтезом привычки, а вернее синтезом, «создающим привычку жить»⁹. Это ожидание продолжения, когда один элемент будет возникать за другим. Определяя привычку как сжатие, Делёз не имеет в виду два действия, происходящих в один момент и соединяющихся друг с другом и образующих элемент повторения; речь идет о «слиянии этого повторения в созерцающем сознании».

Всюду, где в результате пассивного синтеза создается непрерывность времени, можно вести речь о неких зачатках души. В нас тысячи маленьких «душ» – стратов и слоев непрерывности, которые Ж. Делёз называет «личинками субъекта». По сути дела, каждый организм состоит из системы этих сокращений, из композиции длительностей или различных форм спрессованного настоящего¹⁰.

Теперь сделаем акцент на некоторых весьма интересных следствиях, которые можно извлечь из делёзовской концепции синтеза времени как «первичного качества» психических феноменов. Если следствием бергсоновской концепции длительности был вывод о наличии

множества уровней, интенсивностей, градаций в степени одушевленности, то делёзовская концепция синтеза времени приводит к еще более радикальным следствиям: если непрерывность внутреннего времени есть результат синтеза, то речь идет уже не об одном, а о многих синтезах и, следовательно, о многих душах, многих сознаниях внутри одного субъекта. Классический трансцендентальный субъект теперь обнаруживается как рассыпавшийся на тысячи субъектов пассивного синтеза. Делёз назвал их «личинками субъекта», полагая, что «следует придать душу сердцу, мышцам, нервам, клеткам»¹¹. Речь, таким образом, ведется уже не просто об «уровнях», «стратах» и градациях в едином потоке одушевленности, но о кишении множества маленьких душ – сингулярностей, монад – внутри каждого из этих уровней.

Традицию, в которой первичным качеством одушевленного считаются внутреннее единство и связность потока времени («интенсивное время», или «время-длительность»), мы рассмотрели как альтернативу классической концепции. В рамках этой традиции сфера одушевленного не локализуется и не обособляется от неодушевленных компонентов онтологии. Одушевленность и неодушевленность здесь можно считать лишь «градиентами», различающимися только направленностью и степенью интенсивности потока – прежде всего потока времени. Это качество допускает множество градаций от «максимума» (сознание) до «минимума» (материя). В концепции синтеза времени Ж. Делёза совершается переход к своеобразной

«новой монадологии». Многообразие «синтезов времени» сопрягается с картиной кишения и роения множества более или менее смутных сознаний, душ, «монад» («личинок субъекта», по Ж. Делёзу) на всех уровнях реальности, поэтому в рамках рассмотренной концепции представляется допустимым проводить параллель с древнейшей идеей панпсихизма и усматривать тенденцию возникновения «неоанимистических» онтологий.

Примечания

- ¹ Бергсон А. Материя и память : собр. соч. : в 4 т. М., 1992. Т. 1. С. 247.
- ² Делёз Ж. Бергсонизм // Делёз Ж. Критическая философия Канта. Бергсонизм. Спиноза. М., 2000. С.130.
- ³ Бергсон А. Материя и память. С. 255–256.
- ⁴ Там же. С. 256.
- ⁵ Делёз Ж. Бергсонизм. С. 151.
- ⁶ Бергсон А. Материя и память. С. 300.
- ⁷ Гуссерль Э. Логические исследования. // Гуссерль Э. Избранные работы : в 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 143.
- ⁸ Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994. С. 86.
- ⁹ Делёз Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 99.
- ¹⁰ Приводится по: Дуплинская Ю. М. «Синтез времени» и «фасеточная личность» // Топос : литературно-философский журнал, [Электронный ресурс]. URL: / http://www.topos.ru/article/7103/printed (дата обращения: 02.02.2011).
- ¹¹ Делёз Ж. Различие и повторение. С. 99.

УДК 316,3: 1

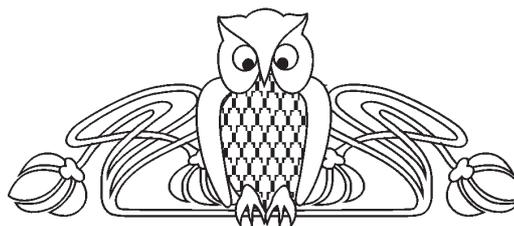
СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В ПОСТКНИЖНОЙ КУЛЬТУРЕ

Н. С. Шаповалова

Саратовский государственный технический университет
E-mail: natalia.shapovalova87@yandex.ru

Статья посвящена исследованию социальной памяти в посткнижной культуре. Подчеркивается, что с развитием информационно-коммуникационных технологий происходит усложнение пространства памяти: к имеющимся структурам добавляются иные формы «представленности» знаний о прошлом, что приводит к формированию многогранного и нелинейного пространства.

Ключевые слова: социальная память, посткнижная культура, гипертекст, нелинейность, фрагментарность, виртуализация памяти, электронное пространство социальной памяти, корпоративная культура памяти, корпоративная память.

Social Memory in Postbook Culture

N. S. Shapovalova

The article devoted to exploration social memory in postbook culture. Underlines that with the development of information and communication technology occurs complication of memory space: to existing structures are added other forms of representation of knowledge about the past, what leads to formation the multi-faceted and non-linear space.

Key words: social memory, postbook culture, hypertext, nonlinearity, fragmentation, memory virtualization, electronic space of social memory, corporate culture of memory, corporate memory.